

“Жигули” обзывают чудом советского автопрома с иронией, а зря. Ещё в не такие уж и далёкие времена “жигулёнок” был показателем успешности его владельца и пользовался большой популярностью. Упрекнуть трудовую лошадку XX века можно только в городах да посёлках с дорожными коттеджами, где асфальт не изрыт воронками от фугасов, где можно пожаловаться на отвратительную работу коммунальщиков, где автосервис совершит любой каприз с самой навороченной иномаркой. А “жигули” — это “моделист-конструктор”, не видевший автосервиса более четверти века, ремонтируемый на коленке в любых условиях подручными средствами. Вот и бегают наш “жигулёнок”, осваивая дороги, улицы и переулки, куда не ступала нога в лакированной туфле и не въезжало колесо иномарки.

Для передвижения по военным дорогам лучше, конечно, использовать “уазик”, а ещё лучше — БТР, но они никак не способствуют выполнению разведывательных задач операми УБОПа, засовывающими свой нос во все уголки полыхающей Чечни для получения оперативной информации о бан-

идти их пособниках, о совершённых преступлениях и готовящихся терактах, о пленниках и заложниках. А также любых других сведений, которые хоть на день приблизят мир на некогда гостеприимном Кавказе. Местные жители давно уже облюбовали “жигули” из-за их доступности, дешевизны и ремонтпригодности, что очень важно для разоренных войной, выживающих в тяжелейших условиях мирных тружеников, поднимающих мозолистыми руками непростое хозяйство воюющей Чечни. Не всегда поднимает рука даже у озверевшего в лесах чеченца ахнуть под мчавшимися “жигулями” фугас — велика вероятность погубить некогда уважаемого им человека. Велики на Кавказе кровные связи. Вот и снуют по дорогам “жигулёнки”, то до невозможности перегруженные хозяйственным скарбом, то до беспредела забитые пассажирами, то с комфортом везущие убелённого сединами старика. Но обязательно с наглухо затонированными стеклами.

Либо быстро вернуться, либо не возвращаться по дороге, по которой приехал, — эту заповедь надо вшить в молоко матери каждому оперу, как “Отче наш”, мотаясь по совершенно недружелюбным и часто враждебным селам, где каждый норовит схватить тебя и растерзать, и уж в случае высшей любезности — всадить автоматную очередь в спину. И только вдруг, как чудо, кто-то, поверивший тебе, рискуя жизнью, сунет клочок бумажки с информацией, которой ты очень ждёшь, а ещё больше ждёт, что ты получишь её, томящийся в зиндане пленник. И вот ради этой самой записки, нарушая все правила безопасности, несёмся мы с моим заместителем Долговым Серёгой в Урус-Мартан, опережая саперную группу, прикидываясь местными жителями, полагаясь лишь на то, что наш автомобиль ничем не отличается от сотен таких же затонированных и мчащихся на предельной скорости чеченских “жигулей”.

Ранним утром разбудил меня Гена Мордвин и доложил, что Умар из Урус-Мартана срочно хочет со мной встретиться. Я не боялся получать в эфире информацию открытым текстом. Никакие технические средства защиты не справлялись с передовыми технологиями перехвата связи, которые поставляло бандитам “передовое человечество”. Вот и слушали они все наши переговоры. Но голь на выдумки хитра. В моём подчинении — пять межрайонных отделов УБОП, рассредоточенных по всей территории Чечни. Раз они нас слушают, так я и не против. Я в каждый отдел направил по сотруднику СОБР, прибывшему из Мордовии с одним условием: в эфире разговаривать по-мордовски. У бандитов мозги плавились, голова шла кругом, так как практически невозможно определить, на каком языке идёт разговор, к тому же маленькая Мордовия делится на три языковые подгруппы — Мокша, Шокша и Эрзя, и это сводило усилия бандитов на ноль. Зато я, имея одного из шестерых — Гену, — обладал информацией по всей Чечне в режиме онлайн. Правда, после каждого эфира мне много приходилось выслушивать грязной ругани, чтобы “русский свинья разговаривал по-русски”, а я терпел, иногда огрызаясь на чеченском.

Умар попал в Урус-Мартановский отдел УБОП в числе многих других подозреваемых в организации взрыва комендатуры федеральных сил и последующего подрыва автомобиля оперативной группы, следующего на место преступления. Последнее время бандиты использовали тактику двойного взрыва, закладывая два фугаса. После первого взрыва выезжает оперативно-следственная группа с целью осмотра места происшествия, сбора и документирования улик и доказательств, для розыска лиц, причастных к данному теракту. Вот и становятся они мишенью для второго подлого взрыва. Но рискуют милиционеры жизнью, собирая по крупницам вместе с доказательствами мирную жизнь для этой благодатной земли.

Объём работы просто огромный, и я удивляюсь работоспособности начальника Урус-Мартановского межрайонного отдела УБОП ОРБ № 2 Рукмана Якубова, мы с моими замами Николаем Шарапиным, Сергеем Долговым да труягами операми Скорняковым и Хаджибековым на третьи сутки уже валимся с ног от усталости, а он работает, как заводной, забывая о сне и отдыхе. Он — настоящий Чеченец с большой буквы, и мир на родной земле — для него не пустой звук. Он потом и кровью возвращает этот мир на

рою землю, отдавая дань уважения тем, кто сохранил его в далёком 1945 году. И неужели он, мужчина, не отстоит благополучие и счастье для своих потомков!

Результат оперативной работы — всегда получение достоверных фактов, которые иногда становятся не обличающими, а защищающими человека и его доброе имя, доказательствами непричастности его к теракту. И снова роешь землю в поиске тварей, убивающих людей, любящих жизнь. Бросать людей, прошедших через сито подозрений, мы не имеем права, мы сохраняем им не только доброе имя, но и веру в справедливость, что мы — москвичи, читинцы, новосибирцы, биробиджанцы — приехали в Чечню со всех концов Великой России по долгу профессии, исключительно только для помощи в наведении конституционного порядка и обеспечения законности.

Умар, ошестинившийся, как ёж, молчал, не проронив ни звука, и только зло стрелял своими чёрными глазами и, будь его воля, не задумываясь, порвал бы меня. Он молчал, уверенный в своей непричастности, вспоминая доказательства своей невиновности, но не верящий в справедливость милиции. А мне приходилось доказывать обратное, изворачиваться и добывать ему алиби, рискуя собственной жизнью. Злой за потраченное на него впустую время, не испытывая чувства раскаяния, я формально произнёс слова извинения со ссылкой на обстоятельства и сложность оперативной обстановки и вообще ситуации в стране, хотя ни он, ни я не слушали произносимую мной, заготовленную кем-то для порядка речь. В конце я протянул ему руку. А он не уколол меня взглядом, а тихо-тихо произнёс:

— Ты — мужчина, я верю тебе.

И только переступив порог, оглянувшись по сторонам, окинув ещё раз с высоты своего могучего роста мою измождённую, шатающуюся от усталости фигуру, сказал:

— Я помогу русскому, жди.

И вот это “жди” уже неделю не выходит у меня из головы. Я не могу ждать, каждая минута вызывает вопросом: “Когда?” — а тишина в эфире отвечает: “Жди”. Я работаю и жду. Иду на доклад к генералу Хотину и жду. Жду, даже пренесясь среди ночи. Но я жду в окружении приятных мне людей: взвешенного и рассудительного Шаравина, скрупулёзного и дотошного Скорнякова, весёлого и пронырливого Хаджибекова и многих, многих друзей, сроднившихся в боевое братство.

А каково ждать тому русскому, находящемуся в зиндане, где каждый вздох может стать последним, где голод наматывает кишки на кулак, где боль от побоев и загнивающих ран начинает вызывать к смерти! И только сила воли не даёт превратиться в грязное человеческое существо. Ждать — это невероятная попытка без определённого срока.

И когда я услышал от Гены об Умаре, сон как рукой сняло, и, затолкав в машину первого, кто попался на глаза в это раннее утро, — Долгова, я уже через пять минут нёсся в сторону Урус-Мартана, так как время встречи было жёстко ограничено.

Рослую фигуру Умара, медленно идущего по рыночной площади от прилавка к прилавку, мы увидели издалека, но сразу подходить к нему не стали, чтобы не вызвать подозрения у всё замечающих подростков, непонятно с какой целью сидящих целыми днями на корточках на каждом перекрестке. Однако и долго задерживаться на рынке небезопасно, спортивный костюм никак не скрывает, даже при беглом взгляде, внешность славянина, являющегося чужаком и объектом нескрываемой ненависти. Долгов остался в машине с оружием, контролируя ситуацию, хотя это только для самоуспокоения. Никто не спасёт от автоматной очереди, которая может полоснуть из любой подворотни, стоит лишь на миг остаться одному на линии огня. Поэтому, вращая головой на 360 градусов, я сличался с одинокими покупателями и скучающими продавцами, однако избегая больших групп, чтобы не быть схваченным и увезённым в неизвестном направлении, превратившись в заложника. Умар, увидев меня, остановился, затем стал быстро удаляться

в противоположную сторону, но, замедлив шаг, резко обернулся, посмотрел в мою сторону. Но не своим проницательным взглядом, а отрешённым, больше, наверное, смотрящим в глубину своей души, разговаривая со своей совестью и честью. Через минуту, показавшуюся мне вечностью, он решительно двинулся в мою сторону. Размеренно шагая мимо меня, он сунул мне в руку плотно сложенный лист бумаги, который был сверху уже мокрый от вспотевших ладоней. Резко свернув в ближайший проулок, он скрылся из виду. Я не смотрел в его сторону, а был повернут лицом к продавцу, и только боковым зрением видел эту удаляющуюся могучую фигуру взрослого человека, вынужденного бояться за свою жизнь, пока бесчинствуют на этой земле бандформирования. Купив бутылку минеральной воды, я шмыгнул в наш грязно-красный “жигулёнок”, и Серёжа, не дожидаясь, когда хлопнет пассажирская дверь, рванул с места, окутав пылью всю рыночную площадь. Но этого я уже не видел. Гипнотизирующее действие зажатого у меня в руке чьего-то спасения отрешило меня от реальности происходящего. И только острая боль по всей спине вернула меня в окружающую действительность. Запрыгивая на продавленное кресло “жигулёнка”, я даже не заметил лежащего на нём родного “калаша”, который впился всеми выступающими частями своего металлического тела в моё мягкое место. Возопив нараспев стандартную фразу, которую выкрикивают во всех уголках нашей необъятной Родины, с большим упором на букву “ё”, я с трудом извлёк из-под себя мною же аккуратно положенный на сидение АКС-74. Это нелегко было сделать, так как “жигулёнок” прыгал и вилял на скорости не менее сотни километров в час, мотыля по своему салону всё, за исключением вцепившегося в руль Долгова, который сам закладывал эти автомобильные пируэты на как оспой побитой ямами дороге.

С огромной осторожностью разворачивая ещё влажный от пота тетрадный листок в косую линейку, я поймал себя на мысли, что Умар боится не за себя, не за свою жизнь, а за этого или эту первоклашку, из чьей тетради вырван листок со спасительной схемой расположения места заточения русского.

Всё, сыскари убоповцы, за пахоту! Теперь только от нас зависит, когда наконец-то прекратятся нечеловеческие муки человека, собеседницей которого уже длительное время является старуха в саване и с косой, приходящая за лёгкой добычей, но наталкивающаяся на твёрдость духа, стойкость и мужество воина, не сломленного даже бородастыми ублюдками, воюющими со своим же народом да пацанами, не успевшими увидеть жизнь, но вдоволь насмотревшимися на смерть.

А почему именно старуха? Она, костлявая, всем нам ровесница, а на Кавказе она безрассудна и молода, сродни прекрасным лицам пацанов, оставляющих в этих горах своё сердце, молодость, а иногда и жизнь. Русский, потерпи, теперь уже вцепившись бульдожьей хваткой за добытую ниточку, ведущую к тебе, — на зубах, на одних только нервах, разорвав в клочья тельняшку и душу, доберёмся к тебе: своих не бросаем.

Первое разочарование окатило, как ушат холодной воды: нарисованная схема не подходила ни к какой части Урус-Мартана. Неужели обманули, отмахнулся, как от назойливой мухи? Порву, своими руками порву! Неужели я ошибся в человеке? Нет же, нет! Не мог он так играть. Да и зачем? Он всё-таки рисковал, хоть минимально, но рисковал, стараясь по-шпионски незаметно передать мне записку. Всё. Стоп! Нервы ни к черту. Надо успокоиться. Включи голову, охолопись, подумай. Но не могу я, как Чапай, часами мечтать, склонившись над картой. Стоп... Ещё не облечённая в словесную форму мысль уколола и пульсом застучала в висках.

— Шаравин, Коля, мухой ко мне Хаджибекова, и пусть этот проныра из-под земли мне достанет рукописную схему Урус-Мартана. Срочно-о-о!!! Неужели я прав? Да конечно!.. В сортир!!! В очко!!! Все эти чудо-военные карты, доставшиеся нам ещё от великого Советского Союза...

Хаджибеков, миленький, ну, найди, пожалуйста! Ну, давай быстрее, там — человек, которому каждая секунда промедления — как вечность пребывания в земном аду. УБОП есть УБОП — оперативная элита Министерства внутренних дел, где служат только супервысочайшего уровня професси-

аналы, творящие ради дела чудеса, а Хаджибеков в нём — особая личность. Уже через полчаса он выкладывал мне на стол листы аэрофотосъёмки всего Урус-Мартановского района, неизвестно каким образом добытые у вертолётчиков. И только голосом, исполненным гордости за сработавшую соображалку, причитал, что, если сегодня он их не вернёт, его порежут на мелкие кусочки и с вертолёта развеют над Ханкалой, а угроза эта была небезосновательной, так как вертолётов у них много.

Пять пар глаз впились в лежачие на столе снимки, в кубрике повисла напряжённая тишина. Случись даже землетрясение, никто бы даже не моргнул, ни на секунду не оторвал бы взгляда от стола, мысленно примеряя к каждому фрагменту фотографии на всю жизнь отпечатавшуюся в мозгу схему с тетрадного листа в косую линейку.

— Есть, командир! — опытный взгляд охотника уловил на фотографии еле сопоставимые черты врезавшегося в память карандашного рисунка.

— Молодец, Славочка, мо-ло-дец! Не зря ты лазаешь по родной тебе тайге, замечая и выхватывая взглядом самое нужное, самое главное.

Точно, так и есть, хоть сильно отличается и размерами, и расстояниями, да и нарисовано наспех, упущены главные ориентиры. Прорисовывая изгибы улицы, Умар даже не обозначил примыкающий лес. Мартан-Чу изобразил как окраину Урус-Мартана, не обращая внимания на крупные детали, как бы само собой разумеющиеся, но суть ухватывается, и это точно то, что нам надо. Это уже не ниточка к тебе, дорогой “русский”, это уже надёжная веревочка. Но вытаскивать тебя надо не с фотографии, а из лап настоящих бандитов, которые тоже не дураки и работают головой не хуже нашего. Воюют они в местах, где им каждый кустик знаком, а перед нами фотографии местности, да и то не лучшего качества, хотя и за эти спасибо. Нужна рекогносцировка. Сегодня из меня дурь прёт через край, просто фонтанирует! Я задал самый глупый вопрос, который мог задать только человек, ни разу не видевший моих бойцов: “Кто со мной?” С последним звуком я осознал свою ошибку, но было поздно. Мне пришлось повышать голос, и непрерываемым тоном руководителя приказывать всем остаться в расположении.

— Старший в мое отсутствие — Шаравин, со мной — Долгов.

Ненавижу я кричать на опоров, не заслуживают они этого, но сегодня за свою нетактичность я расплачиваюсь скрежетом зубов рвущихся в бой ребят.

“Рекогносцировка, от латинского слова “*recognosco*” — осматриваю. В военном деле визуальное изучение противника и местности в районе предстоящих боевых действий лично командиром (командующим) и офицерами штабов для получения данных и принятия решения” — Энциклопедический словарь. Вот и летит трудяга “жигулёнок” за самой нужной, самой свежей информацией для принятия решения ценою в человеческую жизнь. Здесь нельзя просчитаться, допустить ни одной, даже маленькой ошибочки. Нам надо не только разведать, получить полную картину предстоящей операции, но и сделать это так, чтобы бандиты даже не догадались об истинной цели наших интересов.

Расхитители социалистической собственности иногда приносят пользу своей алчностью: на окраине Грозного в недрах стихийного рынка мы, выложив кругленькую сумму, покупаем себе неубиваемую легенду. Всё-таки Господь помогает нам в благих делах. Человек неопределённого вида и ещё более неопределённого возраста — от двадцати пяти до шестидесяти лет — продаёт сворованный из какой-то воинской части с частично затёртым инвентарным номером небольшой дизель-генератор. Он очень удивился, зачем люди, явно принадлежащие к силовым структурам, покупают у него то, чего в их ведомстве хватает с лихвой, а их же пронырливые коллеги и продали ему это за бесценок. Поймать бы этих “коллег”, взглянуть бы в глаза — ведь у себя же воруют, сволочи! С оказией обязательно сообщу в Толстойюрт Андрею Кирикову, крупному специалисту службы по борьбе с экономическими преступлениями, с неординарной оперативной хваткой и пронизательным умом. Он был неудобен своему начальству в Москве из-за его прямоты, за что и получил полугодовую путёвку на Кавказ — подышать горным воз-

духом воюющей Чечни. Но это потом, а в данный момент для нас это был подарок судьбы! Ведь с этим генератором мы можем засовывать нос в любой дом, пытаясь продать якобы только что сворованный агрегат, изображая военных барыг.

Вывлив на себя целую бутылку водки, чтобы от нас разило, как от пивной бочки, мы, как заядлые алкаши, продающие последнюю рубашку, приставали к хозяевам домов, демонстрируя незаменимый в хозяйстве агрегат. Как магнитом тянуло к нужному нам дому, но для порядка пришлось поторговаться в соседних домах, умышленно задрать цену, чтобы не купили нашу замануху в первом же дворе. Раззадорив половину жителей генератором и сами порядком засветившись, мы наконец-то приблизились к добротному строению за высоким забором, который, как в потёмкинской деревне, блистал своей дороговизной только со стороны улицы, что было хорошо видно через щели в ажурно кованых воротах с приваренными с внутренней стороны металлическими листами. С видом распоясавшихся хозяев жизни, потерявших страх от изрядно принятого спиртного, мы начали колотить в ворота. Сердце в груди колотилось гораздо сильнее и громче ударов кулаком по железу воротины. Но как ни ждали мы этого, голос из-за ворот прозвучал настолько неожиданно, что заставил даже отшатнуться с зависшим в воздухе кулаком.

— Что надо?

Собеседник с той стороны и не собирался встречать нас с распростёртыми объятиями и пускать во двор, он даже не намеревался открывать дверь рядом с воротами, чтобы хотя бы поинтересоваться многими назойливыми гостями. Долгов пытался рассказать отработавшую во многих взораз сказку про генератор, но голос грубо оборвал его, сказав, чтобы мы убирались и что ему ничего не надо. Во время этой перебранки я через щели сканировал каждый сантиметр двора, стараясь ничего не упустить, ни одной мелочи, ни одной детальки. С детской наивностью я старался увидеть хоть малейшие признаки места содержания русского, но не такие уж они и дураки, какими их рисуют в своих байках пацаны в курилках, изображая себя героями или, как минимум, Рэмбо. Даже во время спецоперации, когда рыщешь по двору, как ищейка, трудно бывает обнаружить тщательно скрываемые следы зиндана. Но теперь-то я точно знаю, что он есть, и именно здесь. Поэтому, отойдя к машине, я изучаю не только двор, его строения, но и подходы к нему, а также возможные пути отступления бандитов. Всё, дорогой русский, это уже не верёвочка, это гораздо серьёзнее. И завершающей точкой рекогносцировки, чтобы не было ни малейших сомнений в нашем коммивояжёрстве, мы продали генератор соседу напротив, наверняка под пристальным взглядом из окна нашего негостеприимного собеседника. Охренеть!.. Утром купили — днём продали, минус четыреста рублей! Организаторов таких финансовых провалов ни одна коммерческая структура не потерпит, придётся служить в милиции до глубокой старости. Зато оперативный прикуп огромен, и его никакими деньгами не измеришь.

Главное — либо быстро вернуться, либо не возвращаться по дороге, по которой приехал. Что крутились мы очень долго и засветились по полной, в этом не было никаких сомнений, и что дорога до трассы Ростов—Баку всего одна — это факт. Кстати, невелик выбор направлений и на трассе, выбравшись на которую можно либо через Алхан-Юрт попасть в Грозный, либо через Самашкинский лес и блокпост “Кавказ” — в Карабулак, в мобильный отряд, откуда, отсидевшись, потеряв время и поменяв номера, можно опять нестись по той же трассе в Ханкалу. Никакого смысла. Поэтому, уповав на Господа и боевую машину “жигули”, летим на предельной скорости, на какую способен наш выдавший виды “жигулёнок”. Передвигаясь на скорости за сотню километров в час, имеешь меньше шансов получить взрыв фугаса под брюхом мчащегося автомобиля. И уже когда пролетаешь закладку, начинаются догонялки со смертью, и чем быстрее ты уносишься, тем слабее её хватка. Серёга, как мне показалось, вообще не пользуется педалью тормоза, лихо преодолевал все дорожные препятствия, скорее не замечая, а чувствуя их, перемещаясь то на одну, то на другую сторону совершенно пустой дороги. Мы счастливы — ведь благою весть несём!

Но дьявол тоже не дремлет... Неестественно задрало задницу автомобиля так, что, упершись руками в торпеду, я разглядел каждую ямку, каждый камешек, каждую пылинку перед капотом и осознал, что нас подорвали, раньше, чем услышал гром взрыва. Не опускаясь на землю, багажник стал обгонять моторный отсек. Долгов крутил руль, безнадежно пытаюсь хоть что-то сделать с машиной. Но она была уже во власти догнавшей нас взрывной волны и, только чудом не перевернувшись, ударившись задними колесами о дорогу, пронесла ещё по инерции метров сто и свалилась с дороги, уткнувшись мордой в придорожную траву. Всего какой-то миг, а в голове воспринималось, осознавалось всё с такой чёткостью, как будто на осознание каждого действия, происходящего вокруг, отведена была целая вечность, а ты её уже прожил, переварил, и мозг уже работает на будущее: “Как и что дальше делать?”

Выскочив из машины, я упал под откос дороги, лишь на секунду обогнав ударившую по дорожному полотну автоматную очередь. Не поднимая головы, приподняв лишь ствол автомата, я в ответ пустил длинную очередь в том направлении, откуда прозвучали выстрелы, тем самым остудил пыл джигитов, пытавшихся с наскока прикончить двух зарвавшихся федералов. Из мгновенно пересохшего горла я с трудом выдавил:

— Серёга, живой?

И снова вечность в ожидании ответа.

Короткое “Да!” откуда-то сзади смочило глотку и отпустило спазмом сжавшиеся внутренности. Тому, кто скажет, что не боится смерти, смело можете плюнуть в лицо и назвать лгуном, ни разу не бывавшим в экстремальных ситуациях. Страх сковывает мышцы так, что только невероятной силой я заставил себя ещё раз поднять словно налившиеся свинцом, пудовые руки и садануть ещё одной очередью по кустам, где засели явно не ожидавшие такого разворота событий бандиты. Они точно видели, что из машины выскочили двое: где нахожусь я, они знали наверняка, но только достать не могли из-за скрывавшей меня дорожной насыпи. Они легко могли подойти ко мне, прижимая к земле очередями, не давая даже пошевелиться, держа под обстрелом мой спасительный откос. Но второй? Он как будто растрогался, ловко замаскировался, пока мы обменивались безрезультатными, но пугающими очередями. Он явно держит ситуацию под контролем, не выдавая своей позиции, потому и не решаются бандиты выйти из своего укрытия для окончательной расправы над подранками, боясь попасть под прицельный огонь этого второго. Серёженька, дорогой, молчи! Ты — наша козырная карта. Только от твоих стальных нервов зависит развязка, какой она будет, а я отвлеку, не дам твоим спокойной осматривать ямки да уступы, выискивая тебе — “второго”. Эффект неожиданности ими упущен, теперь мы почти на равных, тем более с моей козырной картой — находящимся в импровизированной засаде Долговым. Только, Серёженька, не выдай себя, ведь они боятся только неожиданности, неопределённости. С этой мыслью, я, выдав очередную порцию свинца, немного замешкался, и тут же меня накрыл со звоном рассекающий воздух встречный поток смертоносного града пуль. Кисть правой руки обожгло, как огнём. Я дернул руку так, что автомат, задрал ствол, воткнулся между мной и естественным бруствером. С надеждой и страхом осматривая окровавленную руку, я понял, что родился в рубашке — никакого ранения, а кисть мне всего-навсего посекло осколками камней. Со злости я всадил целый магазин в кусты, где однозначно поменял прятавшимся там подонкам отношение к жизни и смерти. Перезарядив автомат, я прижал его к груди и замер перед очередным шквалом огня. После грохота автоматных очередей над нами повисла звенящая тишина. В голове было стерильно пусто: ни прошлого, ни будущего, ни даже настоящего — “ничего”, просто вакуум. И вот на этом фоне абсолютной пустоты, четко всплыли слова матери, короткая, но очень нужная сейчас молитва: “Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородице, надеющиеся на Тебя да не погибнем, но да избавимся Тобою от бед: Ты бо еси спасение рода христианского”. Чеканящий молитву мозг делал упор на слова: “не погибнем”, “спасение”. И это спасение неслось к нам, с нарастающим рокотом прибли-

жающегося БТР. Подъехав на расстояние визуального контроля, БТР остановился. С него, как горох, ссыпались солдатики, выстроились в боевой порядок и медленно двинулись в нашу сторону, прикрываясь броней. Теперь главное: не делать резких движений, ведь у них нервы напряжены не меньше нашего. И не хватало ещё после всего пережитого схватить пулю от своего же защитника. Не резко, а как-то нараспев я прокричал, что мы свои и что боевики в кустах на “половина второго” направления от БТР.

Но это было лишне, ведь при появлении солдат они исчезли, как и не было их совсем. Почувствовав безопасность, я поднялся на ватных ногах. Обнял уже стоящего у машины бледно-серого Долгова. Спасибо, Серёженька, ведь в этом бою победил именно ты, сначала унеся нас от взрыва, так что смертельные, но уже ослабевшие его щупальца потрепали только задницу нашего “жигулёнка”. А главное — ты победил своей выдержкой, не совершив ни единого выстрела.

В голове включился какой-то стопор, как будто бы это случилось не с нами либо очень давно, и не имеет к происходящему сейчас никакого отношения. Мы стали упрашивать молодого лейтенанта вытащить из кювета наш автомобиль, потому что нам срочно надо в Ханкалу, у нас дело, не терпящее отлагательств. Посмотрев на нас, как на больных, он всё же дал команду солдатам вытолкать на дорогу наш “жигулёнок”. Ещё в двадцатом веке не воевавший на Кавказе Сергей Александрович Есенин с чувством любви, большой теплоты и огромного уважения написал нам строки для осмотра нашего автомобиля: “Жигули ты моё, Жигули, потому, что я с севера, что ли, я готов рассказать тебе поле, про волнистую рожь при луне, Жигули ты моё...”

Зрелище было не из приятных: задняя панель, изогнувшись дугой, сократила размеры багажника чуть ли не вдвое. Крышка багажника запрокинулась, упершись в стойки и крышу автомобиля, как щитом закрыв заднее стекло и сохраняя нас, как в капсуле. Бензобак изрядно деформировался, но не проронил ни одной слезинки бензина. Задние фонари, распрощавшись с автомобилем, мелкой красно-жёлтой крошкой рассыпались по дороге. И вот это чудо, прокашлявшись и зарывчав на всю округу, поскольку глушитель так и остался лежать в кювете, сначала сделало пробные движения, а потом покатилося, побежало, громыхая и стуча всем тем, что ещё не успело от него отвалиться, унося на себе этих двух сумасшедших. И только взгляд оцепеневшего лейтенанта долго провожал этих уже не молодых офицеров УБОП, недоумевая, что это за такое срочное дело, ради которого они так рвутся в Ханкалу.

Убоповцы — это своего рода разведчики широкого профиля, а в разведке закон: каждый имеет право голоса, может высказать своё мнение по обсуждаемому вопросу. Но сколько бы ни было мнений, все они сводились к одному: силы надо использовать немалые, это даже не обсуждалось. А вот с главным был тупик. Сколько ни ломали голову — всё больше и больше отmetalось вариантов — ясно было одно: нельзя заходить в посёлок по дороге, нас срисуют сразу же, как свернём с федеральной трассы, подготовятся к нашему посещению, и, когда доберёмся до места, получим дырку от бублика, всё будет стерильно, как в аптеке, и следы тряпочкой протрут. Нужен марш-бросок через лес. Но кто? Убоповцы — сыскари от Бога. Но в лесу они — как беспомощные котятка: нарвутся на “растяжки” ещё на опушке, сложат головы и на этом бесславно закончат свой путь, что никак не входит в наши планы. Вот бы “лесников” грушников запустить! Это спецы высочайшего класса: они видят всё, проходят сквозь игольное ушко, ступают бесшумно, ни разу не треснув сухой веточкой, а мины и растяжки им нипочём, они над ними просто летают. Но их мало, катастрофически мало, и тем более они на прошлой неделе ушли работать в леса далеко от нас, о чём было нетрудно догадаться, выкладывая всю оперативную информацию по Ножай-Юртовскому району Андриюхе Баранову, хотя наверняка он не Андриюха, и тем более не Баранов, но мне об этом знать не положено, для меня он Баранов Андрей, и сейчас я не могу рассчитывать на его помощь. Все дороги

ведут в Рим, а все мысли сошлись на Чеченском ОМОНе — им сам чёрт не брат. Хаджибеков Бек, ты всем омонцам — лучший друг, кум и сват. Коля Шаравин, ты, как никто другой, сможешь чётко изложить ситуацию. Давайте, с Богом! А я пойду в свою каморку, прилягу, что-то меня знобит, да и перебор на сегодня.

Опустившись на кровать, я выдохнул напряжение сегодняшнего дня, и вдруг по телу пробежала лёгкая судорога, потом усиливающийся озноб стал всё сильнее и сильнее трясти меня, и никаким бушлатом нельзя было прогнать исходящий изнутри леденящий холод. Через какое-то время уже каждая мышца была натянута, как канат, вызывая невероятную боль, тело было сковано, как каменное, а все внутренности тряслись, как на сорокаградусном морозе. В ушах стоял колокольный звон, как будто вместо колокола использовали мою разрывающуюся голову. Не знаю, сколько я провалялся в таком состоянии, но ввалившийся в дупель пьяный Долгов стал трясти меня, обнимать, бормотать заплетающимся языком, как сильно он меня любит и что мы с ним... Запнувшись, он потерял мысль, после чего, не сильно ориентируясь в пространстве, уронив напольный вентилятор, со словами: “Я щас”, — с грохотом распахнул дверь, чуть не сбив с ног входящего генерала Хотина. Пытаясь изобразить трезвого, еле стоящий на ногах Долгов вдохнул полную грудь воздуха, чтобы не дышать перегаром, вытянулся по стойке “смирно”, что не сильно у него получилось, затем всё-таки решил ретироваться, шмыгнув за спину генерала, с грохотом опрокинув что-то попавшееся на его пути. Хотин закрыл за собой дверь, подошёл ко мне и, прервав на вздохе мой доклад, сказал:

— Я всё знаю, подробности потом.

Достал из внутреннего кармана фляжку, открутил крышку, окинув взглядом каморку и не найдя стаканов, протянул мне:

— Здесь хороший коньяк, выпей!

Вся группировка знает, что Олег Валентинович Хотин любит коньяк “Икс О”, но употребляет или нет, никто не знает. Он в шутку говорит, что это в его честь на этикетке его инициалы “ХО”.

— Спасибо, Олег Валентинович, с 1992 года не употребляю.

И уже хотел запеть свою песню, что 29 октября 1992 года я бросил пить, курить и развёлся — всё одним днем. Но он прервал меня:

— Ну и дурак.

Наверное, я обидел его, сломал планы, остудил его душевную теплоту своим отказом. Он как-то изменился, стал опять непроницаемо-строгим, и даже не приложившись к горлышку фляги, закрутил крышку и шагнул в проём двери. Плохо, когда у тебя много начальников, и хорошо, когда они такие, как генерал Хотин. Буквально через пять минут прибежал перепуганный медик, ни слова не говоря всадил мне в руку укол и, уложив меня под одеяло, накрыл моим же бушлатом. Скованность мышц стала отступать, по телу начало разливаться тепло, сознание медленно-медленно уходило, и я вырубился.

Командир Чеченского ОМОНа Руслан Алханов — милиционер до мозга костей, в нём есть всё: и оперативная смекалка, и твёрдость, а о смелости и говорить не приходится. Его не надо упрашивать рисковать жизнью, вся его жизнь — постоянный риск во имя жизни других. Выслушав Шаравина и Хаджибекова, вспыхнув, как фитиль, он уже ни о чём не мог думать кроме предстоящей операции. Чтобы не терять драгоценных секунд, они вместе с убоповцами ворвались в кабинет начальника штаба, удивившись, что застали его на месте. Смешно называть Бувади Дахиева начальником штаба — он всегда на передовой, всегда в гуще событий, на острие боевых действий. Без его непосредственного участия не проходила ни одна серьёзная операция, проводимая Чеченским ОМОНОм, он же стратег, он же вдохновитель, он же и исполнитель, находящийся на передовых позициях. Не надо о нём много говорить, за него говорит его позывной — “Патриот”.

Не вникая в наши умозаключения и принимая их как уже выстраданные и не требующие обсуждений, они с головой ушли в разработку дальней-

шего плана своей работы с отправной точкой из нашего туника. Скрытный марш-бросок через лес, напичканный минами и растяжками, их сильно озадачил, ведь ни одному разумному человеку не могло такого прийти в голову, значит, не придёт и бандитам. Но мы попали по адресу: трудности, связанные с риском для жизни, для них не могут стать препятствием в выполнении задачи, тем более ради спасения человека, — в этом железобетонная сущность ОМОНа, это их жизнь. Чтобы сохранить в тайне истинную цель выезда, командир принял решение рано утром выдвинуться большими силами в Дуба-Юрт. При подезде скрытно оставить группу из наиболее подготовленных бойцов для выполнения основной задачи, затем изрядно пошуметь, создавая видимость интересов в данном населённом пункте, после чего демонстративно вернуться на базу под бдительным оком пособников бандитов, следящих за каждым передвижением, каждым чихом держащего их в страхе отряда милиции особого назначения. Естественно, руководителем специальной группы, совершающей сложнейший и рискованный лесной марш-бросок, Бувади назначил себя. Он лично подбирал бойцов для этого мероприятия, осознавая всю ответственность и перед каждым из них, и перед нами, совершившими колоссальный объём работы, чтобы вывести его на завершающий этап операции по освобождению человека, а главное — перед человеком, чья жизнь теперь зависит от его мастерства и профессионализма сотрудников милиции.

Открыв глаза, я ещё некоторое время не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, тело вообще не слушалось меня, да и как оно могло слушаться, когда голова сама не понимала, что надо, для чего и как, не могла сосредоточиться ни на какой мысли, а они бегали, кружились, не задерживаясь и никак не цепляясь ни за одну извилину в голове. Единственное, что я чётко осознавал, что язык давно прилип к пересохшему горлу, и очень хочется пить. Выпив залпом целую бутылку противно тёплой воды, я начал приходить в себя. Потихоньку, медленно в мозг стало возвращаться и выстраиваться всё, что навалилось за последнее время. Одеваясь, я почувствовал, как силы возвращаются ко мне. Приводя себя в порядок, я где-то подспудно чувствовал, что что-то всё-таки не так. И точно: я не слышу лягза железки и сопения перетруженных спортивными занятиями тел из коридора, импровизированно переделанного под спортивный зал. Назвать все эти сооружения коридорами, спортзалами, штабами можно только с большой натяжкой, это шанхай из строительных вагончиков, которые появились в непонятные времена, после чего переоборудовались, достраивались, накрывались крышами переходы между ними, и получилось непонятное строение, в которое архитектурная мысль, опасаясь за свою жизнь, даже не заглядывала. Но для особо одарённых педантичный Скорняков изготовил табличку “Штаб”, куда я и стремился за пропущенной мною из-за стрессняка информацией. Вскочивший мне навстречу Гена чуть не прокричал:

— Там идёт бой.

Затем, переведя дыхание, продолжил на той же нервной ноте:

— Алханов за Старыми Атагами развернул колонну и через Гойты несётся в Урус-Мартан, с ним Шаравин и Хаджибеков. Все наши убоповцы в полном вооружении с СОБРами ждут команды на выезд.

Связи ни с Алхановым, ни с Шаравиным, ни с Хаджибековым не было уже полчаса, я сорвал голос, крича в радиостанцию так, как будто при отсутствии связи я мог докричаться до них и без её помощи. Треск эфира продолжал взвинчивать нервную обстановку, щекотал нервы и слух, не выдавая никакой информации. Появившийся на пороге Долгов вылутился на меня красными с бодуна глазами, как будто пытался увидеть на мне ответы на все свои вопросы, после чего ошарашил меня сообщением:

— Омоновцы возвращаются на базу, есть потери.

И опять застыл, упершись в меня взглядом, в ожидании какого-либо решения. Но решение было одно: схватить штабную машину и галопом — в ОМОН.

— Бойцам — отбой тревоги, до особого распоряжения, а ты — со мной, и полетели.

И понёсся синий развездной “жигулёнок” на базу ОМОН, чтобы ответить на повисшие в воздухе вопросы.

Преодолев змейку из бетонных блоков, мы подъехали к КПП, где очень смурной боец, опечаленный тем, что именно в этот день ему достался наряд нести службу в расположении базы, а не быть вместе со всеми в бою, с нотками раздражения сказал, что командир на выезде, и пропустить нас он не может. Я предъявил ему специальный пластиковый пропуск РОШ по Северному Кавказу, где на обороте почти во всю карточку написано: “Всем военным и гражданским властям, правоохранительным органам! Предъявителю настоящего пропуска оказывать помощь и содействие! ВСЮДУ!” и сказал, что мы дождёмся руководства в штабе. Но пропуск для него в нашем препирании не возымел никакого воздействия — как слону дробина! Он с упёртостью барана стоял на своём рубеже. Я уже начал раздражаться, но где-то в недрах карманов камуфлированной куртки моего оппонента прозвучал радиоголос: “Я — Патриот. Командирам рот собраться в штабе”. Препирания сразу же потеряли всякий смысл, и металлическим голосом, не терпящим возражений, я приказал ему доложить “Патриоту” о нашем прибытии. Через пару минут рьяно выполняющий свои обязанности боец был сама любезность. Но он уже был неинтересен — информационный голод гнал нас в серое двухэтажное здание. Но как бы мы ни торопились, мы встали, склонив головы, отдавая дань признания минутой молчания, у мемориала из гранитных фотографий погибших бойцов, в центре которого — герой Российской Федерации, первый командир Чеченского ОМОНа Муса Газимагомедов. Увидев нас из окна, Бувади спустился и молча встал рядом с нами, пропуская через боль в сердце жизненный путь каждого бойца с фотографии. Взглянув на меня, он прервал молчание и голосом печальной торжественности произнёс:

— Лёха, мы сделали это! Мы вытащили твоего доходягу. Тощий. В чём только душа держится?

И, сделав очень большую паузу, как будто вновь переживая все события того страшного боя, добавил:

— А у меня три “трёхсотых”, один тяжёлый.

И опять затянувшаяся пауза. Он мысленно был далеко от нас, он всё переживал, думал, где, как и что он мог сделать, чтобы не прозвучали эти слова — простые и жуткие, как сама война. Короткие обрывистые фразы он выдавливал из себя с большими промежутками, впервые не проявив никаких эмоций, диктуемых кавказским гостеприимством.

— Руслана не тревожь, он настоящий командир, он сейчас с ними в больнице.

И опять тишина. Молча поднявшись на второй этаж, он широко распахнул дверь кабинета, приглашая нас войти, а сам тяжело опустился в своё рабочее кресло и, подняв телефонную трубку, стал разговаривать с неизвестным абонентом на чеченском языке, но суть разговора улавливалась точно: он старался всячески организовать помощь раненым товарищам. Закончив разговор, он наконец-то обратил на нас внимание:

— Не успели мы расставиться по плану, заметили они нас, вот и пришлось работать с колёс.

Телефонный звонок прервал его, и вновь, теперь уже повышая голос, он кричал на собеседника, перемежая чеченскую речь с крепкими русскими словами. Бросив трубку, он ещё продолжал ругаться, вскакивая и размахивая руками, затем, немного успокоившись, продолжил:

— Как вы и говорили, русского они сразу в лес поволокли, его даже искать не пришлось, но потом...

Он запнулся и опять ушёл мыслями в этот бой, проживая его снова и снова:

— Сначала двое, потом ещё один. Русского с двумя бойцами мы к федералам отправили, а сами — наших вытаскивать. А тут и командир с бойцами — он своих не бросает! — он мгновенно сориентировался и отработал этих шайтанов по полной.

Последние слова он произнёс с особой гордостью за командира ОМОНа. Вдруг до этого молчавший Долгов задал давно сверливший меня вопрос:

— А где освобождённый?

Бувади даже обиделся:

— Я же сказал — федералам отправили. Куда и кому, не знаю. И не до этого мне было, у меня трое раненых на поле боя.

Да, с такими аргументами не поспоришь...

— Ну, хотя бы данные его записал?

Он посмотрел на нас осуждающе и произнёс:

— Некогда мне там было писаниной заниматься.

А затем, как-то подобрев, осознавая, что все-таки мы правы со своими вопросами, на которые у него нет ответов, он, заглаживая свою вину, сказал:

— Твоих убоповцев я отправил в Ханкалу, они отличные боевые ребята, ты извинись за меня перед ними, что не взял их с собой. Я что им, то и тебе говорю: вы нужны не только здесь, но и в своей Москве, своём Новосибирске, честные и знающие милиционеры там нужны не меньше, чем здесь. А я здесь и только здесь — я на этой земле родился, я здесь живу, я её защищаю, в неё и сложу свою голову.

И он сдержал своё слово: 13 сентября 2006 года на границе с Ингушетией в боевом столкновении с бандитами Бувади Султанович Дахиев заслониł собой зарождающийся хрупкий мир Чеченской республики, получив полную грудь свинца, не дав долететь ни одной пуле на территорию родной ему Чечни. Вечная ему память!

И покуда живо поколение, всегда будут помнить нелёгкий и смертельно опасный труд солдат правопорядка и с благодарностью смотреть на ветеранов боевых действий на Северном Кавказе дети и внуки освобождённого человека, который так и остался для нас неизвестным русским, прошедшим через горнило плена чеченской войны. Так мы о нём и будем думать.

И поминать добрым словом боевую машину “жигулёнок”.